

ЛИНГВОПОЭТИЧЕСКОЕ СВОЕОБРАЗИЕ ФАНТАСТИЧЕСКОГО РАССКАЗА Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО «СОН СМЕШНОГО ЧЕЛОВЕКА»

Е. В. Пронина

*Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого
(г. Тула, Россия)*

Аннотация. Цель исследования – рассмотреть особенности идиостиля произведения, иллюстрирующие своеобразие и неповторимость художественной манеры Достоевского, благодаря которым создается уникальная картина произведения и возможность глубже проникнуть в идейное содержание на всех уровнях анализа. Производится лингвопоэтический анализ языка рассказа по фонетическому, лексико-семантическому, синтаксическому аспектам. В фонетическом строе рассказа проявляется ритмический контраст, влияющий на структуру и семантику произведения. Благодаря подобной ритмической организации текста в первой части рассказа достигается эффект спутанности сознания главного героя, а к концу ритм становится спокойным размеренным. Рассматривая лексико-семантическую сторону художественного текста, следует заключить, что в нем развернуто представлены все основные гносеологические образы-слова тезауруса Достоевского: человек – жизнь – хронотоп – страх – смерть – Истина. Одной из наиболее примечательных особенностей синтаксиса рассказа являются особые индивидуальные сочетания глагола и существительного. По мере продвижения в повествовании, когда позиция героя становится более определённой и осознанной, отрывистый темп повествования сменяется размеренным, появляется гипотаксис, предложения разветвленной структуры с несколькими типами связи, а в эпилоге рассказа, когда герой принимает решение проповедовать, можно наблюдать сходство синтаксиса произведения с подобными особенностями жанра православной церковной риторики – проповеди. Особо рассматриваются повторы, сцепления, а также такие сегментированные конструкции экспрессивного синтаксиса такие, как именительный темы, причем в тему Достоевским выносятся идиоглоссы: жизнь, истина, проповедь, сон. Проведенный анализ доказывает утверждение о том, что в рассказе переплетаются лингвопоэтические «нити» всех больших романов Достоевского.

Ключевые слова: лингвопоэтика, Достоевский, «Дневник писателя», ритмическая организация художественного текста, гносеологические образы-слова (идиоглоссы), паратаксис, гипотаксис, сегментированные конструкции экспрессивного синтаксиса.

LINGUO-POETIC PECULIARITY OF A SCIENCE FICTION STORY BY F. M. DOSTOEVSKY «THE DREAM OF A RIDICULOUS MAN»

E. V. Pronina

*Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University
(Tula, Russia)*

Abstract. The purpose of the article is to consider the peculiar features of the ideostyle of a literary work, describing originality and distinctiveness of Dostoevsky's manner of writing thanks to which a unique image of a literary work is created and one gets a possibility to understand the message of the writer's work on all levels of the analysis much deeper. The linguopoetic analysis of the language of the story is carried out in terms of phonetic, lexical-semantic, syntactic aspects. Phonetically the text presents a rhythmical contrast influencing the structure and semantics of the text. This rhythmical arrangement of the text provides for the effect of the main character's confused mental state. By the end of the story, the rhythm becomes more serene and measured. As far as the lexico-semantic level of the text is

concerned, it should be concluded that the main epistemic images – the words of Dostoevsky's thesaurus are extensively presented: person – life – chronotope – fear – death – truth. One of the main peculiarities of the syntactic level of the text is the use of the occasional noun plus verb collocations. As the story unfolds and the main character's point of view becomes more evident and obvious, an abrupt pace of the narration changes into a measured one, the writer resorts to hypotaxis, the use of composite complex and compound sentences of different types. Moreover, in the end of the text, where the main character makes up his mind to preach, one can observe the similarity between the syntactic arrangement of the story and the syntax of the genre of the Orthodox Church Rhetoric, namely a sermon. The article also treats repetitions, chain repetitions, and such segmental constructions of expressive syntax as nominative theme; what is more, F. Dostoevsky uses such words as the elements of the theme as life, truth, sermon, dream. The produced analysis proves the statement that linguo-poetic "threads" of Dostoevsky's global novels are interwoven in the literary work under analysis.

Keywords: linguopoetics, Dostoevsky, "A Writer's Diary", a rhythmic arrangement of a literary work, epistemic images – the words (idioglosses), parataxis, hypotaxis, segmental constructions of expressive syntax.

Введение

В «Дневнике писателя» за апрель 1877 года особое место занимает – произведение «Сон смешного человека». Рассказ, жанр которого обозначен самим автором как фантастический представляет собой некое обобщение его творческих идей, является весьма интересным и своеобразным отступлением от традиционной хронометражной документалистической основы дневника. В нем «переплетаются» нити всех романов Достоевского, и автор предстает как писатель и публицист, психолог и проповедник. «...Поражает предельный универсализм этого произведения и одновременно его предельная же сжатость, изумительный художественно-философский лаконизм... По своей тематике «Сон смешного человека» почти полная энциклопедия ведущих тем Достоевского» – отмечает М. М. Бахтин» [1, с. 167–169].

Нельзя не отметить, что «Сон» пронизывает глубокий автобиографизм. В частности, датой происшествия, днем назначенного самоубийства, оказавшемся «внутренним перерождением» героя, выбрано третье ноября (ноябрь – месяц рождения писателя, можно усмотреть, что в этом заложена мысль о «втором рождении» героя после познания Истины); «смешному человеку», как и самому Федору Михайловичу, часто снится его умерший старший брат, принимающий участие в его земных делах, и, наконец, все переживания и ощущения смерти напоминают те страшные трагические моменты подготовки к казни и многократные пожизненные эпилептические припадки, когда Достоевский терял сознание, его тело становилось холодным, как у мертвеца, у него захватывало дыхание, пропадал пульс, он ощущал приближение смерти буквально чувствовал ее дыхание, переживал ее.

Обозначенная жанровая специфика, глубина и всеобъемлемость содержания, представленные в рассказе, находят отражение и в языковой ткани произведения. Цель статьи – рассмотреть лингвостилистические особенности произведения, подчеркивающие и подтверждающие своеобразие и неповторимость художественной манеры, идиостиля Достоевского, благодаря которым создается уникальная картина произведения, что позволяет глубже проникнуть в идейное содержание рассказа на всех уровнях его анализа.

Методика

Для достижения указанной цели производится лингвопоэтический анализ языка «Сна» по системным аспектам языка: фонетическому, лексико-семантическому, синтаксическому. После чего путем обобщения полученных данных делается вывод об особенностях идиостиля Достоевского.

Анализ

В фонетическом аспекте особое внимание обращает на себя ритмическая организация текста «Сна смешного человека». По меткому выражению В. Д. Днепров, у

Достоевского «слово не в силах держать мерность и дистанцию, оно заражается тревогой происходящего, ускоряет свой бег, резко меняет акценты, задыхается и спешит вместе с героями» [4, с. 144]. Так, первую часть рассказа отличают прерывистые интонации, неровный и лихорадочный ритм речи, благодаря которым чувствуется, в каком нестабильном психологическом состоянии находится герой, насколько обострённо герой воспринимает действительность. Этим же подчёркивается исповедальный характер повествования: *Я смешной человек. Они называют меня теперь сумасшедшим... Грустно потому, что они не знают истины, а я знаю истину. Ох как тяжело одному знать истину! Но они этого не поймут. Нет, не поймут.* (Достоевский Ф. М. «Сон смешного человека») [6, с. 104]. Посредством подобной ритмической организации текста первой части рассказа достигается эффект спутанности сознания главного героя, описание конкретных фактов материального мира таят в себе признаки глубокого психологического кризиса личности, доведённого до пограничного состояния, самоубийства: *Я поднялся в мой пятый этаж. Я живу от хозяев, и у нас номера. Комната у меня бедная и маленькая, а окно чердачное, полукруглое. У меня клеенчатый диван, стол, на котором книги, два стула и покойное кресло, старое-престарое, но зато вольтеровское.* (Достоевский Ф. М. «Сон смешного человека») [6, с. 106]. А вот те же приемы при описании встречи героя с девочкой: *Девочка была лет восьми, в платочке и в одном платьишке, вся мокрая, но я запомнил особенно ее мокрые разорванные бабашки и теперь помню. Они мне особенно мелькнули в глаза. Она вдруг стала дергать меня за локоть и звать. Она не плакала, но как-то отрывисто выкрикивала какие-то слова... Она прокричала лишь: «Барин, барин!..» – но вдруг бросила меня и стремглав перебежала улицу...* (Достоевский Ф. М. «Сон смешного человека») [6, с. 106] – герой, рассказывая это «задыхается», паузы в ритме заставляют перехватывать дыхание, графическим подтверждением чего являются многоточия и тире, отражающие экспрессивно-разговорную форму речи. Данный ритм сменяется книжным, спокойным по мере продвижения повествования, когда позиция героя становится более определённой, осознанной, он становится спокойнее, начинает понимать, что делать, для чего жить. Отрывистый, судорожный темп повествования сменяется рассуждением в конце третьей, четвертой и пятой глав рассказа. Подробно проанализировав ритмическую организацию прозы Достоевского, Г. Ф. Хажиева приходит к следующему выводу: «Среди многообразия ритмических приемов Ф. М. Достоевского наиболее ярким является ритмический контраст, существенно влияющий на структуру и семантику «фантастического рассказа». Используемые в нем риторические конструкции, принципы музыкальной композиции обеспечивают нарастание эмоционального напряжения и авторскую организацию читательского восприятия. Так в ритмическом своеобразии «фантастического рассказа» «Сон смешного человека» отражается индивидуальный художественный почерк Ф. М. Достоевского» [14, с. 22].

Анализируя семантический аспект произведения, следует отметить, что в «Сне смешного человека» представлены все основные идиоглоссы (гносеологические образы-слова) тезауруса Достоевского: человек – жизнь – время (хронотоп) – страх – смерть – Истина. Идиоглосса «человек» вынесена в заглавие рассказа, у героя, как отмечалось ранее, отсутствует имя, это является выражением концептосферы писателя. Как отмечал сам Достоевский, именно человек, его внутренний мир представляет для него наибольший интерес. Примечательным для данного произведения является тот факт, что идиоглосса «хронотоп» своеобразно представлена лексемой *вдруг*. По мнению И. В. Ружицкого, «в этом слове сконцентрирован весь художественный мир Достоевского» [11, с. 76]: заключена граница между прошлым и настоящим, настоящим и будущим, внезапность, неопределённость, страх. Это почти ничто, но в то же время, начало и конец времени, слово-возможность перехода в разные миры. В данном рассказе неслучайно соседство слова *вдруг* с неопределёнными и отрицатель-

ными местоимениями: *ничто, нигде, никогда*, – в кульминационный момент развития повествования, когда в сознании героя утверждается мысль о самоубийстве. Рассмотрим знаковые, с этой точки зрения, фрагменты текста: *Я вдруг почувствовал, что мне все равно было бы, существовал ли бы мир или если б нигде ничего не было. Я стал слышать и чувствовать всем существом моим, что ничего при мне не было* (Достоевский Ф. М. «Сон смешного человека») [6, с. 105]. И далее: *Небо было ужасно темное, но явно можно было различить разорванные облака, а между ними бездонные черные пятна. Вдруг я заметил в одном из этих пятен звездочку и стал пристально глядеть на нее. Это потому, что эта звездочка дала мне мысль: я положил в эту ночь убить себя...* (Достоевский Ф. М. «Сон смешного человека») [6, с. 105–106]. Следующий фрагмент текста: *И вот, когда я смотрел на небо, меня вдруг схватила за локоть эта девочка. (Достоевский Ф. М. «Сон смешного человека») [6, с. 106]. Интересно отметить, что в четвертой и пятой частях текста лексема *вдруг* исчезает, «самоустраняется», когда идет ровное, спокойное повествование о пребывании у «людей счастливой земли», и «возвращается» при пробуждении героя, используется последний раз при указании на инструмент смерти: *Тут вдруг, пока я стоял и приходил в себя, – вдруг мелькнул передо мной мой револьвер, готовый, заряженный, – но я в один миг оттолкнул его от себя! О, теперь жизни и жизни!* (Достоевский Ф. М. «Сон смешного человека») [6, с. 118], показывая выход героя из пограничного состояния сна и реальности, переход от смерти к жизни, его возрождение, преодоление страха и неопределенности существования, победу разума и веры в Истину.*

Одной из наиболее примечательных лингвопоэтических особенностей синтаксиса рассказа являются особые индивидуальные сочетания глагола и существительного, которые часто стоят на грани неправильности: *мелькнули в глаза, поднялся в мой пятый этаж, живу от хозяев, капитан... просит на бедность* (Достоевский Ф. М. «Сон смешного человека») и т.п., странное вкрапление предлогов в подчинительную связь – *капитан во весь месяц не возбудил во мне никакой досады, я иду хотя бы на тысячу лет* (Достоевский Ф. М. «Сон смешного человека»). По мнению академика Д. С. Лихачева, подобное «небрежения словом» подчеркивает впечатление торопливости речи, неумелого поиска героем необходимых смысловых нюансов. Эта особенность языка писателя проявляется во всех произведениях для создания специфической ауры психологического состояния героя, не исключением является и «Сон» [9]. Следует отметить, что во «Сне» все эти «неправильности» сконцентрированы в тех фрагментах текста (главы 1-2), где герой пытается объяснить нам причины, приведшие его к мысли о самоубийстве. Несомненно, эти особые синтаксические модели, позволяющие создать атмосферу потока сознания, подчеркивают исповедальный характер повествования.

Паратаксис Достоевского представляет собой нанизывание простых предложений на одну смысловую ось (данная особенность характера для языка первых славянских переводов евангельских текстов). Причем данный прием сочетается с синтаксическими разрывами предложений, точкой в «неожиданном месте» – парцелляцией. В первой и второй главах рассказа при описании быстрой смены событий подобные расчлененные парцеллированные конструкции весьма частотны: *А прежде я тосковал очень оттого, что казался смешным. Не казался, а был. Я всегда был смешон, и знаю это, может быть, с самого моего рождения. Может быть, я уже семи лет знал, что я смешон.* (Достоевский Ф. М. «Сон смешного человека») [6, с. 104]. Далее: *Я положил в эту ночь убить себя. У меня это было твердо положено еще два месяца назад, и как я ни беден, а купил себе прекрасный револьвер и в тот же день зарядил его. Но прошло уже два месяца, а он все лежал в ящике <...> Я все ждал минуты. И вот теперь эта звездочка дала мне мысль, и я положил, что это будет непременно уже в эту ночь. А почему звездочка дала мне мысль – не знаю.* (Досто-

евский Ф. М. «Сон смешного человека») [6, с. 106]. Благодаря использованию подобных сегментированных конструкций в совокупности с лексическими повторами фразы становятся более динамичными выразительными и экспрессивными. Парцелляция пронизывает первую главу рассказа.

По мере продвижения в повествовании, когда позиция героя становится более определённой, осознанной и внятной он становится спокойнее, узнает, что ему делать, для чего жить, отрывистый судорожный темп повествования сменяется размеренным, появляется гипотаксис, предложения разветвленной структуры с несколькими типами связи, например 4-ая глава: *Они слушали меня, и я видел, что они не могли представить себе то, что я говорю, но я не жалел, что им говорил о том: я знал, что они понимают всю силу тоски моей о тех, кого я покинул. Да, когда они глядели на меня своим милым проникнутым любовью взглядом, когда я чувствовал, что при них и мое сердце становилось столь же невинным и правдивым, как их сердца, то и я не жалел, что не понимаю их. От ощущения полноты жизни мне захватывало дух, и я молча молился на них.* (Достоевский Ф. М. «Сон смешного человека») [6, с. 114–115].

Наконец, в эпилоге рассказа, когда герой принимает решение «выйти» на проповедь, можно наблюдать сходство синтаксиса произведения с соответствующими особенностями жанра православной церковной риторики – проповеди. Особого внимания заслуживают такие сегментированные конструкции экспрессивного синтаксиса, как именительный темы, причем в тему Достоевским выносятся ключевые слова рассказа, а также слова-идиоглоссы, такие, как: проповедь, жизнь, истина, сон: *Да, жизнь, и – проповедь! О проповеди я порешил в ту же минуту и, уж конечно, на всю жизнь! Я иду проповедовать, я хочу проповедовать, - что? Истину, ибо я видел ее, видел своими глазами, видел всю ее славу!* (Достоевский Ф. М. «Сон смешного человека») [6, с. 118]; *Сон? Что такое сон? А наша-то жизнь не сон? Больше скажу: пусть, пусть это никогда не сбудется и не бывать раю (ведь уже это-то я понимаю!), - ну, а я все-таки буду проповедовать.* (Достоевский Ф. М. «Сон смешного человека») [6, с. 118–119].

Также в качестве особенностей, сближающей эпилог рассказа с жанром проповеди, следует отметить повторы, сцепления в тех фрагментах текста, где непосредственно звучат слова героя-проповедника: *Я **видел**¹ истину, я **видел** и знаю, что люди могут быть прекрасны и счастливы, не потеряв способности жить на земле. Я не хочу и не могу **верить**, чтобы зло было нормальным состоянием людей. А ведь они все только над этой **верой**-то моей и смеются. Но как мне не **веровать**: я видел истину, – не то что изобрел умом, а видел, видел, и живой образ того, что я видел, будет всегда со мной и всегда меня поправит и направит.... **Главное** – люби других как себя, вот что **главное**, и это все, больше ровно ничего не надо: тотчас найдешь как устроиться* (Достоевский Ф. М. «Сон смешного человека») [6, с. 119]. Данные конструкции помогают создать градацию, определенное нагнетание и концентрацию смысла.

Результаты

Таким образом, в результате многоаспектного лингвопоэтического анализа фантастического рассказа Ф. М. Достоевского «Сон смешного человека» следует отметить, что если в начале рассказа все особенности языка произведения помогают создать исповедальный характер, то по мере продвижения повествования, в эпилоге конструкции «выравниваются», обретают относительно стройный (прежде всего, в ритмическом отношении) вид и заключают в себе признаки проповеди, отражая стремление Достоевского к выделению опорных точек текста, желание акцентировать главное и направить внимание в нужное русло, добиться эффективности слова, и, подобно проповеднику, апеллировать не только к уму, но и к чувствам читателя.

Дискуссия

Приведенные результаты исследования фантастического рассказа Ф. М. Достоевского «Сон смешного человека» открыты для обсуждения. На наш взгляд, подобные положения отражают особенности идиостиля писателя и могут быть «перенесены» на другие произведения писателей, что, несомненно доказывает утверждение о том, что в данном рассказе переплетаются лингвопоэтические «нити» всех больших романов Достоевского.

Заключение

Проанализировав идейные, жанровые и языковые особенности фантастического рассказа Достоевского «Сон смешного человека», можно прийти к выводу о необходимости рассмотрения данного произведения как самостоятельного, совершенно определенно выходящего за узкие хронометражные рамки «Дневника» программного произведения писателя.

Примечания

1. Выделено мною – Е.П.

Список источников и литературы

1. Бахтин М. М. «Проблемы поэтики Достоевского», 1963. Работы 1960-х – 1970-х гг. // Собр. соч. в 7 т. М., 2002. 799 с. Т. 6
2. Валова Д. М. Жанровая поэтика рассказа Ф. М. Достоевского «Сон смешного человека» // Уральский филологический вестник. 2015. № 5. С. 84–91.
3. Волгин И. Последний год Достоевского. Исторические записки. М.: АСТ, 2010. 544 с.
4. Днепров В. Д. Идеи времени и формы времени. Л.: Сов. писатель, 1980. 600 с.
5. Достоевский и мировая культура : альманах / Общество Достоевского, Литературно-мемориальный музей Ф. М. Достоевского в Санкт-Петербурге. СПб.: Серебряный век, 2012. № 29. 299 с.
6. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. В 30 т. Т. 25: Дневник писателя за 1877 год, январь-август. Л.: Наука, 1983. 470 с.
7. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. В 30 т. Т. 28, кн. 1: Письма, 1832 – 1859. Л.: Наука, 1985. 551 с.
8. Михновец Н. Г. 136-й псалом в творчестве Достоевского // Достоевский: материалы и исследования. СПб.: Наука, 2005. Т. 17. С. 61–91.
9. Небрежение словом у Достоевского // Достоевский: материалы и исследования. Л.: Наука, 1976. Т. 2. С. 30–41.
10. Померанц Г. С. Открытость бездне: встречи с Достоевским. М.: Сов. писатель, 1990. 416 с.
11. Ружицкий И. В. О языке Достоевского // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2013. Вып. 9: Аспекты изучения художественного текста. С. 74–81.
12. Степанян К. Достоевский и Псалтырь // Достоевский и мировая культура : альманах. СПб.: Серебряный век, 2007. № 22. С. 383–395.
13. Тихомиров Б. Н. Религиозные аспекты творчества Ф. М. Достоевского: Проблемы интерпретации, комментирования, текстологии : дис. ... д-ра филол. наук : 10.01.01 / Тихомиров Борис Николаевич. СПб., 2006. 567 с.
14. Хажиева Г. Ф. Ритм прозы Ф. М. Достоевского (на примере «фантастического рассказа» «Сон смешного человека») : дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01 / Хажиева Гузель Фиратовна. Бирск, 2009. 186 с.
15. Чирков Н. М. О стиле Достоевского. М.: Наука. 1967. 309 с.

References

1. Bakhtin M. M. *Sobraniye sochineniy v 7-mi tomakh. Tom 6 [Collected works in 7 volumes. Vol. 6]*. Moscow, 2002. 799 p. [In Russian].
2. Valova D. M. Zhanrovaya poetika rasskaza F.M. Dostoevskogo "Son smeshnogo cheloveka". [Genre poetics of the story of F. M. Dostoevsky "The dream of a ridiculous man"]. *Ural'skiy filologicheskiy vestnik [Ural Journal of Philology]*. 2015. No. 5. Pp. 84–91. [In Russian].
3. Volgin I. *Posledniy god Dostoyevskogo. Istoricheskiye zapiski [The Last Year of Dostoevsky: Historical Notes]*. Moscow: AST publ. 2010. 544 p. [In Russian].
4. Dneprov V. D. *Idei vremeni i formy vremeni. [Ideas of time and forms of time]*. Leningrad: Sovetskiy pisatel publ., 1980. 600 p. [In Russian].
5. Dostoyevsky i mirovaya kul'tura [Dostoevsky and World Culture]. *Almanac No. 29. Obshchestvo Dostoyevskogo, Literaturno-memorial'nyy muzey F. M. Dostoyevskogo v Sankt-Peterburge*. St. Petersburg: Serebryanyy vek publ. 2012. 299 p. [In Russian].
6. Dostoevsky F. M. *Polnoye sobraniye sochineniy v 30 tomakh. [Complete collection of works in 30 volumes]. Dnevnik pisatelya za 1877 god, yanvar'-avgust [Diary of the writer for 1877, January-August]*. Vol. 25. Leningrad: Nauka publ. 1983. 470 p. [In Russian].
7. Dostoevsky F. M. *Polnoye sobraniye sochineniy v 30 tomakh. [Complete collection of works in 30 volumes]*. Vol. 28. Book 1. Letters 1832 – 1859. Leningrad: Nauka publ., 551 p. [In Russian].
8. Mikhnovets N. G. 136-y psalom v tvorchestve Dostoyevskogo [Psalm 136 in the works of Dostoevsky]. Vol. 17. *Dostoyevskiy: materialy i issledovaniya*. St. Petersburg: Nauka publ., 2005. Pp. 61–91. [In Russian].
9. Nebrezheniye slovom u Dostoyevskogo [Dostoevsky's neglect of words]. *Dostoyevskiy: materialy i issledovaniya [Dostoevsky: materials and research]* Vol. 2.]. Leningrad: Nauka publ. 1976. Pp. 30–41. [In Russian].
10. Pomerants G. S. *Otkrytost' bezdne: vstrechi s Dostoyevskim [Openness to the abyss: meetings with Dostoevsky]*. Moscow: Sovetskiy pisatel publ., 1990. 416 p. [In Russian].
11. Ruzhitskiy I. V. O yazyke Dostoyevskogo [On the language of Dostoevsky]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 19: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya [Moscow State University Bulletin. Series 19: Linguistics and Intercultural Communication]*. No. 9: Aspekty izucheniya khudozhestvennogo teksta [Aspects of studying literary text]. 2013. Pp. 74–81. [In Russian].
12. Stepanyan K. Dostoyevsky i Psaltyr' [Dostoevsky and the Psalter]. *Dostoyevskiy i mirovaya kul'tura [Dostoevsky and world culture]*. St. Petersburg: Serebryanyy vek publ. 2007. No. 22. Pp. 383–395. [In Russian].
13. Tikhomirov B. N. *Religioznyye aspekty tvorchestva F. M. Dostoyevskogo: Problemy interpretatsii, kommentirovaniya, tekstologii [Religious aspects of the work of F.M. Dostoevsky. Problems of interpretation, commentary, and textual criticism]: Dis. dr. filol. nauk: 10.01.01 [Thes. ... Dr. Philol. Sciences]*. St. Petersburg, 2006. 567 p. [In Russian].
14. Khazhieva G. F. Ritm prozy F. M. Dostoyevskogo (na primere «fantasticheskogo rasskaza» «Son smeshnogo cheloveka») [The rhythm of Dostoevsky's prose (on the example of the "fantastic story "The dream of a ridiculous man")]. *avtoref. dis. ... kand. filol. nauk [Abstract of Cand. Thes. ... Cand. Philos. Sciences]*: 10.01.01. Birska, 2009. 186 p. [In Russian].
15. Chirkov N. M. *O stile Dostoyevskogo [On the style of Dostoevsky]*. Moscow. Nauka publ., 1967. 309 p. [In Russian].

Дата поступления статьи: 23.05.2021
Дата решения о публикации: 21.06.2021

Date of receipt of article: 23.05.2021
Date of publication decision: 21.06.2021

Сведения об авторе

Пронина Елена Викторовна,
кандидат филологических наук,
доцент, заведующий кафедрой
русского языка и литературы,
ФГБОУ ВО «ТГПУ им. Л. Н. Толстого»
(e-mail: alepro@yandex.ru).

Information about the Author

Pronina Elena Viktorovna,
PhD in Philology, Associate Professor,
Head of the Chair of Russian Philology
and Literature, Tula State Lev Tolstoy
Pedagogical University
(e-mail: alepro@yandex.ru).